

И. В. Пчеловодова, Н. В. Анисимов

ИЗ «РОССИИ» В СИБИРЬ...¹

СОВРЕМЕННЫЕ ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ

ОБ УДМУРТАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ²

Переселение удмуртов в Сибирь осуществлялось в течение нескольких периодов: во время проведения столыпинской аграрной реформы (1910–1912 гг.) переселение было добровольным; а в период раскулачивания (30-е гг. XX в.) – принудительным. Так удмурты-переселенцы обрели вторую родину, компактно обосновавшись, в частности, в Томской области и в Красноярском крае. К красноярским удмуртам было предпринято три экспедиции: в 1974, 1991 и 2020 гг.

В статье впервые в научный оборот вводятся новые сведения о современном состоянии фольклорной традиции удмуртов Красноярского края по результатам экспедиции 2020 г. Фиксация материала велась на аудио-, фото- и видеоносителях в трех районах Красноярского края – Бирилюсском, Большеулуйском и Дзержинском.

Как показал полевой материал, большая часть фольклорных источников связана с рассказами о переселении из Удмуртии в Красноярский край. Отдельное внимание было уделено праздникам и обрядам, проводимым местными удмуртами. Большинство рассказов – воспоминания из детства и молодости. Также удалось зафиксировать песенные жанры, среди которых – обрядовые (свадебные, гостевые, застольные) и необрядовые (традиционные лирические, авторские и заимствованные из репертуара соседних этносов – русских, украинцев, белорусов). Основная часть песен относится к северноудмуртской традиции, так как большинство исполнителей – это представители Игринского района Удмуртии.¹

Ключевые слова: удмурты, сибирская группа, переселенческая традиция, фольклор, песенные жанры, обряды, праздники, нарративы, миграция, раскулачивание.²

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-45-59

Удмурты – этнос, относящийся к финно-угорской языковой семье. Основной территорией проживания является Волго-Уральский регион. Однако удмуртов, несмотря на это, можно встретить в разных частях нашей страны и за рубежом. Так, например, удмурты-переселенцы обрели свою вторую родину в Сибири, где, компактно обосновались в Томской области и Красноярском крае [Владыкин 1976; Корепанова 1976; Атаманов 1982, 2004, 2008, 2020; Тучкова 2001; Журавлева, Кузнецова 2008; Лебедева 2008; Пчеловодова, Софронова, Корнилов 2020; Anisimov, Pchelovodova, Sofronova 2020]. Удмурты данного региона относятся к сибирской группе удмуртов.

¹ «Россией» сибирские удмурты, как и другие переселенческие народы Сибири, называют европейскую часть России до Уральских гор, в том числе располагающуюся на этой территории свою историческую родину Удмуртию.

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10113 «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов», рук. П. С. Шахов).

В рамках статьи хотелось бы поделиться впечатлениями от экспедиционной поездки к удмуртам Красноярского края в январе 2020 г. Одна из задач – ввести в научный оборот новый корпус сведений о современном состоянии локальной фольклорной традиции красноярских удмуртов, что в дальнейшем позволит провести сравнительно-сопоставительный анализ разновременных записей.

По данным переписи, в Енисейской губернии в конце XIX в. проживало 5 удмуртов, перепись 1920 г. зафиксировала в губернии 658 удмуртов, а к 2010 г. в Красноярском крае насчитывалось 2026 удмуртов [Этноатлас: электр. ресурс].

Экспедиции к удмуртам Красноярского края

В разные годы с экспедициями к красноярским удмуртам выезжали удмуртские и эстонские ученые.

В 1974 г. состоялась этнографическая экспедиция преподавателей и студентов Удмуртского государственного университета совместно с научными сотрудниками Удмуртского научно-исследовательского института (ныне Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН, далее УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН) под руководством В. Е. Владыкина. Участниками экспедиции были обследованы пос. Рассвет и д. Камышовка Бирилюсского района, д. Шарыповка и станция Кытат Большеулуйского района. По результатам экспедиции было опубликовано несколько работ историко-этнографического, лингвистического и социального характера [Владыкин 1976; Корепанова 1976; Атаманов 1982, 2004, 2008], а также заметки из экспедиционных дневников М. Г. Атаманова [Атаманов 2020]. Большую ценность представляют фотографии, сделанные участниками экспедиции, и тексты песен (обрядовых и необрядовых).

В 1991 г. была предпринята этнографическая экспедиция сотрудников Удмуртского республиканского краеведческого музея (ныне Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузеева Герда) совместно с сотрудниками Национального музея Эстонской Республики (ныне Эстонский национальный музей, г. Тарту) под руководством С. Х. Лебедевой.

В 2020 г. осуществлена фольклорно-этнографическая экспедиция научных сотрудников УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН совместно с сотрудниками Института филологии Сибирского отделения РАН и Эстонского литературного музея (г. Тарту) И. В. Пчеловодовой и Н. В. Анисимовым. Пообщаться с красноярскими удмуртами удалось в двух западных районах – Бирилюсском (с. Суриково, куда переселились удмурты из деревень Камышовка, Верх-Суразово, Володарка и др., и пос. Рассвет) и Большеулуйском (пос. Кытат, д. Шарыповка). Открытием данной экспедиции стала информация о проживании удмуртов-переселенцев в Дзержинском районе (д. Чемурай и пос. Орловка), расположенном в восточной части Красноярского края.

Описанные и обработанные материалы экспедиции переданы в Научный архив УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН (далее НА УИИЯЛ), где хранятся под № 218 (всего 158 единиц); оригиналы имеются также в личных архивах авторов. Указываются фамилии, инициалы и год рождения информантов; место и год записи.

История переселения удмуртов в Сибирь

Причин переселения на сибирские земли было несколько. Первая из них связана с проведением Столыпинской реформы в начале XX столетия (1910–1912 гг.), одной из задач которой являлось переселение крестьян из западных губерний в восточные с целью освоения восточной части России. Эти изменения, в первую очередь, должны были коснуться тех крестьян, которые не имели в собственности земли. Так называемые безземельные крестьяне должны были переселиться за Урал, чтобы основать свое фермерское хозяйство. Данный процесс был добровольным, никого из крестьян правительство не принуждало переселяться в восточные регионы насильственно. Политика переселения основывалась на том, чтобы предоставить крестьянам, которые решатся переехать за Урал, максимальные льготы и привлекательные условия проживания [Аграрная реформа Столыпина: электр. ресурс]. Вторая

причина переселения на сибирские земли была связана с процессом раскулачивания в период коллективизации (конец 20-х–30-е гг. XX в.).

Появление удмуртов в Красноярском крае было обусловлено обеими вышеуказанными причинами. Однако именно раскулачивание отразилось самым тяжелым и болезненным образом на судьбе удмуртских переселенцев. Люди, лишившись всего, с большим трудом добирались до места назначения, а по приезду всячески старались выжить в суровых условиях, «брошенные» посреди сибирской тайги.

Добровольное переселение также не было столь уж благополучным; особенно сильно досталось первому потоку поселенцев, поскольку приехали они на «голое место»: приходилось расчищать лес, обрабатывать землю, строить дома, обустраивать хозяйство, часто не имея необходимых орудий труда. Переселение продолжалось вплоть до 1960-х гг. По воспоминаниям удмуртов-переселенцев, жизнь в Сибири была намного лучше по сравнению с прежней родиной. Поэтому многие сообщали о «благодатном» месте проживания своим родственникам, односельчанам, приглашая их переехать в Сибирь. Этим можно объяснить локальное переселение удмуртов (т. е. из определенных районов и даже деревень).

Основную массу прибывших в Красноярский край составили переселенцы из северных районов Удмуртии: Шарканского, Игринского, Красногорского (?) и Глазовского районов. Если шарканские удмурты были в потоке первых поселенцев, то игринские составили второй и третий потоки. Удмурты расселились компактно в Козульском, Бирилюсском и Большеулуйском районах Красноярского края (в Козульском районе удмуртских деревень на сегодняшний день нет). В настоящее время в Бирилюсском и Большеулуйском районах проживают, в основном, выходцы из Игринского района Удмуртии.

В 1930-е и 1960-е гг. в эти места переселились жители южных районов Удмуртии: Алнашского, Граховского и Кизнерского (?) районов. Однако граховские удмурты вскоре вернулись на родину [Атаманов 2004, 79] (карта 1).

В Дзержинском районе Красноярского края основную массу переселенцев составляют удмурты из Глазовского района УР, приезжавшие сюда в 1930-е, но особенно активно – в 1960-е гг. Примечательно, что д. Чемурай была основана удмуртами-переселенцами в 1936 г. [Краткая история: электр. ресурс]. Одна из улиц п. Орловка носит название «Глазовская» – в честь исторической родины проживающих здесь удмуртов (карта 2).

Современная картина фольклорной традиции

Современное состояние фольклорной традиции красноярских удмуртов наглядно раскрывают наши полевые материалы, записанные в трех районах Красноярского края. Фиксация материала велась на аудио-, фото- и видеоносителях. Основными информантами являлись, как правило, женщины пожилого возраста, что объяснимо следующими причинами:

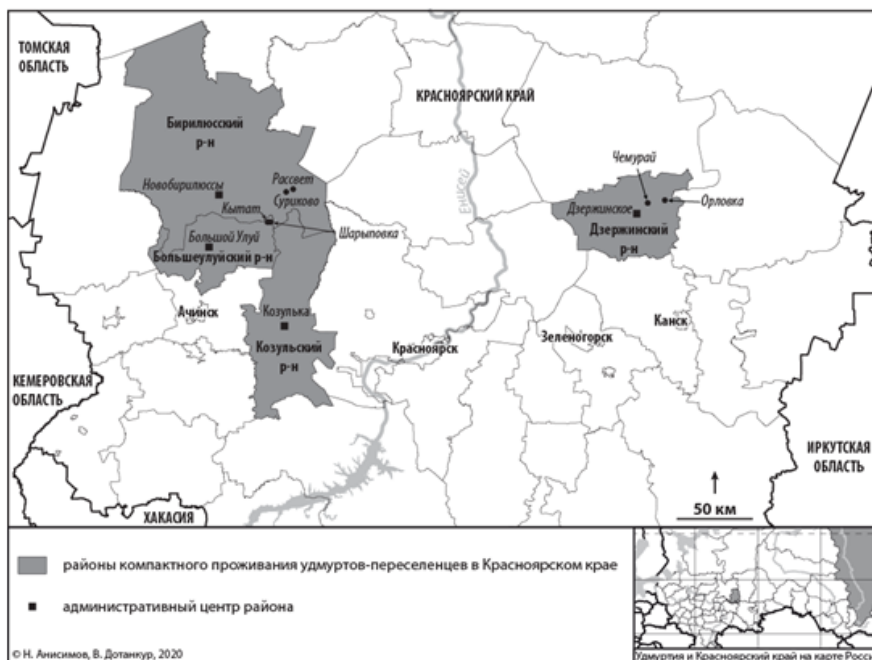
- 1) пожилое поколение еще знакомо с фольклорной традицией и помнит или относительно хорошо помнит удмуртский язык и/или говорит на нем;
- 2) среднее поколение не владеет удмуртским, плохо знает традицию;
- 3) молодое поколение мигрировало в города и не владеет родным языком.

Дополнительным источником информации послужили материалы исследований, проведенных школьниками МБОУ Суриковской СОШ с. Суриково Бирилюсского района под руководством Е. В. Гусевой, которая вместе с учениками собрала сведения об исчезнувших удмуртских поселениях, воспоминания жителей этих деревень, данные об обрядовой жизни и быте удмуртов. Не менее важным источником явились и семейные альбомы, визуально передающие информацию разного характера (материальную и духовную культуру, эмоциональное состояние, коммуникативное поведение и т.д.) из жизни отдельной семьи и деревни в целом.

Описывая фольклорную традицию красноярских удмуртов, следует отметить одно этнографическое своеобразие: бытование и развитие традиции, особенно у удмуртов Бирилюсского и Большеулуйского районов, шло в постоянном взаимодействии с обычаями и обрядами южных и северных удмуртов, а также других народов (например, русских, белорусов) внутри

Карта 1

Карта 2

одного деревенского сообщества. При этом северные и южные удмурты до сих пор четко дифференцируют друг друга, о чем свидетельствуют понятия *бенъёс, улланъёс, вотскойёс, игринскойёс, зуринскойёс* – северные удмурты; *бонъёс, вылланыёс, елабужскойёс, алнашскойёс* – южные удмурты. В Дзержинском районе удмуртская традиция функционировала среди выходцев из северного ареала Удмуртии и русских.

Далее рассмотрим различные аспекты фольклорной традиции красноярских удмуртов подробнее.

Нарративы о переселении в Сибирь

Большая часть записанных материалов связана с рассказами о переселении из Удмуртии в Красноярский край. Каждая история эмоционально наполнена, насыщена историческими фактами, отражает сложную судьбу как отдельной личности, так и целой семьи и народа вообще. Эти нарративы имеют важное значение для исследования истории семьи, поскольку передаются из поколения в поколение. Приведем несколько записанных нами историй:

Ранний период:

«Маму с Удмуртии привезли. У деда с бабушкой, по маминой линии, в общем. С Удмуртии их в тридцатых годах ... раскулачили и отправили в Сибирь. Две коровы го[во]рит было, две лошади, они взяли одну корову, одну лошадь, зерно выгребли и отправили в Сибирь. Вот как сюда едешь с города Ачинска, станция есть Тимонина Лапшиха, там мама жили, а потом переехали вот в тридцать девятом, по-моему. <...> Там ещё остались маминны родственники. Ещё у деда был брат. Один остался в Удмуртии. <...> У мамы в паспорте было: Красногорский район, деревня Вениж, мама оттуда. <...> Мама там родилась. Двух- или трёхлетнюю её привезли, а я тут родилась. <...> Мама, Ельцова Евдокия Тимофеевна, девяносто семь [лет] прожила» [НА УИИЯЛ, № 218, трек 21; А. П. Малых, 1947 г.р., с. Суриково Бирилюсского района КК].

«Сибире лыктймы ми, кулачили... Сё забрали, дак сэре отца забрали в тюрьму вроде. А мы сюда приехали, Сибирь каторга говорили же. Озы шуизы. Сибирь каторге, говорит, отправим семью, а деда посадили, как кулачили. Сё забрали, жеребца забрали, молотилку забрали, мать говорила сё. <...> Ореховке ваизы, Ореховка было. <...> Козулькаысь Ореховке пыдын лыктймы. Соку шуо вал кулаки, пе, пусть пешком пойдут. <...> Квинь кузя: Саня, Лида, мон. <...> Сибире поезн отец ваиз. <...> Квинь арес, наверно, вал ини мыным. <...> Ӧз басьтэ некинъ но, кулаки, пе, пусть пыдын мынозы! <...> Отец короший был, портной был. И вурськыса басьтйм вуж корка. Солэсь азьвыл квартирайын квинь нунал улймы, наверно».

(«Мы в Сибирь приехали, раскулачивали [тогда]... Все забрали, так потом отца (на самом деле деда информантки – здесь и далее прим. авт.) вроде забрали в тюрьму. А мы сюда приехали, [тогда] же говорили, что в сибирскую каторгу. Так говорили. Говорили, что в сибирскую каторгу семью отправим, а деда [в тюрьму] посадили, как [начали] раскулачивать. Все забрали, жеребца забрали, молотилку забрали, мать говорила[, что] все. <...> Привезли в Ореховку, Ореховка была. <...> Из Козульки в Ореховку (примерно 100 км) пешком пришли. Тогда говорили, что кулаки, мол, пусть пешком пойдут. <...> Трое [детей и мать с отцом]: Саня, Лида, я. <...> Отец в Сибирь на поезде привез. <...> Тогда мне три года, наверно, было. <...> Никто не посадил [подвезти], кулаки, мол, пусть пешком идут! <...> Отец хороший был, портным был. Шитьем себе старенький дом купили. До этого три дня в квартире жили, наверно») [НА УИИЯЛ, № 218, трек 34; Т. Д. Леконцева, 1929 г.р., п. Рассвет Бирилюсского района КК].

«Ай, котомкиен соос лыктйллям, немыр корка но овёл вылэм на ай соку. Корка лэсьтылйллям. Одиг коркан сэре улыса, озы каждоез, ну... чош лэсьтылйллям ин. <...> Соос туж курадъыса улэмын. Дезертиръёс папаме мынэсьтым ыбылэмын. Ыбса, види-

мо, меж рёбер гинэ потэм солэн, и тазы, пе, возса ой но шока. Лыкто, пе, кылзйсько, кулэмын-а, живой-а шуса но, мон, пе, уг шокаськы нй. И маме сэре кыдзы ке, ну, соку ай тыл ой на вал, свет, и кийын гинэ уччаса крjочокез, ну, не крjочокез, а ручкаез дверьлэсь, это... ёслэсь, шедьтыса потэм но туж ин, пе, кеськи, шуо. Мон ачим, пе, уг тодйськы нй. И корка бызьса пырем, верам. <...> Озы соос курадзыса улэмын. Бёрысь но лыкса вораллям, чисто дйсьёссэс но. И мынам маме но туж бедной улэмын. Ну бёрысь только жутскын одъязы, хазяйство бадзын вордыса улйзы, и опять гуртьёс кин кытсы пазьгиськызы».

(«Ай, они с котомками пришли, ни одного дома еще не было тогда. Дом построили. Потом, в одном доме живя, так каждый, ну... вместе [дома] построили уже. <...> Они очень тяжело жили. Дезертиры в моего папу стреляли. Выстрелив, [пуля], видимо, между ребер только прошла у него, и так, мол, придерживая [рану], не дышал даже. Подходят, мол, прислушиваются, мертв или живой – я, мол, [тогда] перестаю дышать. И моя мама тогда как-то, ну, тогда света ведь еще не было, света, и руками нащупав крючок, ну, не крючок, а ручку от двери, это... двери найдя, вышла и громко, мол, крикнула, говорят. Я сама, мол, уже не помню. И домой бегом забежала, сказала. <...> Так они в страданиях жили. После этого приходили и обворовали, всю одежду [унесли]. И моя мама очень бедно жила. Позднее только стали подниматься [“на ноги”], развели большое хозяйство, и деревни опять расселились кто куда») [НА УИИЯЛ, № 218, трек 52; А. Ф. Ширококова, 1944 г.р., п. Рассвет Бирилюсского района КК].

«В тридцать седьмом году ваем атай. (В тридцать седьмом году отец привез). <...> Козульский район, деревня Верх-Суразово, мы там жили. В тридцать седьмом году, весной, го[во]рит, приехали, а осенью вся, го[во]рит, деревня заболели тифом. <...> В соседней деревне больницу открыли. Нас было у матери много, пятеро – мал мала меньше. Мы все выжили, а мать умерла. Вот было мне три года, мать совсем не помню. <...> Тридцать седьмой год вот <...> где-то в конце декабря она умерла. Тут не обосновались, потом в сорок первом году война началась. На войну забрали брата, отца. Отец и брат погибли. Вот и всё, жизнь пошла у нас колесом, под откос.

<...> Главное, весной приехали, брат умер двадцать первого года. Приехали, го[во]рит, где-то в мае, а осенью уже себе домик построил, как мог, уже отец, быстренько, к зиме. А брату Семёну тогда шеснацать лет. “Давай, – говорит, – отец, назад, не нравится Сибирь, поедem назад домой. Опять в Кузубаево”. <...> Видно, он пожалел, послушался сына, поехал туда назад один, нас оставил в Сибири. <...> Пока он поехал, мы уже все это, в больницу попали – заболели тифом. Оказывается, он заразился отсюда тифом, там поехал в Алнаши, месяц тоже тифом заболел, лежал. Пока он то-сё, пока в больнице лежал, уже мать умерла. А мы ещё в больнице, нам никто ничё не сказал врачи. Когда мы уже выздоровели, приехали – матери нет. Вот так обидно, даже чужие люди похоронили, последний путь ни дети, никого не было. <...> Чужие люди закопали. <...> Когда отец приехал, матери сорок дней уже справляли» [НА УИИЯЛ, № 218, трек 127; Е. А. Леконцева, 1934 г.р., д. Шарыповка Большеулуйского района КК].

Поздний период:

«В это место... отец ездил сюда к тётке. Тётка уже здесь жила. [Тётка в Чемурае жила?] Да-да, вот. Он приехал сюда, посмотрел как, и... хлеба было больше, наверно, в три раза больше, чем у нас дома было там [в Удмуртии]. <...> Он вот маленько погостил, дня три, и собрался, и сразу дом новый был построенный. Дом сразу продал; на наших глазах разбирали и увозили. <...> Она (тётя рассказчика – прим. авт.), наверно, в шестя втором году приехала сюда. <...> Нам ничё не дали, поселили прямо в клуб. Домов не было. Сразу начали дом строить. В лесу дом строили, потом на тракторах его прямо так вместе с срубом привозили и ставили. Колхоз ставил. <...> Свой колхоз был в Чемурае – “Первое мая”. Дом

построили, потом осенью мы уже перешли в этот новый дом. <...> Когда в клубе жили, дед Иванов корову дал. Корову держали за клубом на привязи. С поля придёт корова, привяжем там, стайки-то нету, ограды нет возле клуба. Вот прямо там она и жила, за клубом. <...> Русский язык мы не знали, когда приехал» [НА УИИЯЛ, № 218, трек 137; В. В. Булдаков, 1955 г.р., пос. Орловка Дзержинского района КК].

Приведенные полевые материалы ярко показывают события переселения, соотносимые с последними двумя этапами – 1930-х и 1960-х гг.

Празднично-обрядовая жизнь

Во время общения с красноярскими удмуртами отдельное внимание было уделено праздникам и обрядам, проводимым местными представителями нации. Большинство рассказов – воспоминания из детства и молодости. Наиболее яркие из них связаны с весенне-летними календарными праздниками: например, *Вёй/Вёйдыр* (Масленица), *Шорт миськон* (мытьё пряжи), *Великой Четверик* (Великий Четверг), *Акашка/Великтэм/Паска* (обряд первого выхода на пашню, сегодня приурочен к Пасхе), *Троица/Тройча/Гербер поминка* (Троица), *Гырон быдтон* (колхозный праздник, посвященный завершению посевных работ), *Вожо/Вожоаськон* (период зимнего солнцестояния), *Вожо келян* (обряд проводов духов переходного времени *вожо*), *Толсур* (Рождество), *Йё вылэ/вылын сылон/Йёвыл сылон* (букв.: стояние на льду; сегодня приурочен к празднику Крещения), *Вуж Виль ар* (Старый Новый год), *Кереметь/молебен* (обряд моления по завершению посевных работ), *тулыс поминка* (весенние поминки), *сйзьыл поминка* (осенние поминки), *Радуница*.

Приведем несколько записанных историй:

«Вёй-а, Толсур-а, соку коркась корка юса ветло вал. <...> Камышын. <...> Толсур – Рождество. <...> Пёрало кутэмнянь, шаньги... Вина асьсьэос пöзьто вал. <...> Вина няньлэсь пöзьто вал. Няньлэсь пöзьто вал, и стаканэн юо вал».

(«На Масленицу ли, на Рождество ли, тогда из дома в дом ходили, угощались. <...> В Камышовке. <...> Толсур – [это] Рождество. <...> Стряпают пирожки, шаньги... Самогонку сами варили было. <...> Самогонку из хлеба варили. Из хлеба варили и стаканами пили»). <...>

«А Вёйдыръя нырысь отын... мон тодйсько на, пинал дыръям, вальёсты чебер чеберъяло букоосэс и катать каро вал пинальёсты, асьсьэос ульча кузя. Тожо кырзало но вал, дыр, но, уг тодйськы нй. <...>».

(«А во время Масленицы сначала там..., я помню еще в детстве, дуги лошадей красиво наряжали, и детей, и сами катались по улице. Пели, наверное, тоже, но не помню точно. <...>») [НА УИИЯЛ, № 218, трек 55; А. Ф. Широкова, 1944 г.р., п. Рассвет Бирилюсского района КК].

«[А вожояськыса ветло вал-а?] Ветло. [Али ветло-а?] Али уг нй ветло. Мон ай тожо татын ветлй на. [А кызьы дйсьяськыськоды? Мар дйсьяськоды?] Маке шедтйськом, интереснойгем мед луоз шуса. То берыктэм шубаас, то ватникъёс... [А ымнырдэс кызьы ватйськоды?] Ымнырмес суэн мазать карком вал. <...> [А Камышовкаын улыкуды ветлйськоды вал-а вожояськыса?] Да. [Зучьёс но, удмуртъёс но?] Отын зучьёс но удмуртсен ветло вал инй, удмуртъёс но зучсен».

(«[А ряжеными ходили?] Ходили. [Сейчас ходят?] Сейчас уже не ходят. Я здесь тоже еще ходила. [А как одеваются? Что одеваеет?] Что найдем, чтобы поинтереснее было. То вывернутые шубы, то ватники... [А лицо как прячете?] А лицо сажей мазали. <...> [А когда в Камышовке жили, ряжеными ходили?] Да. [И русские, и удмурты?] Там и русские, как удмурты, ходили, и удмурты, как русские») [НА УИИЯЛ, № 218, трек 55; А. Ф. Широкова, 1944 г.р., п. Рассвет Бирилюсского района КК].

«Акашка мон тодйсько. Володарын ик бонъёс лэсьто вал. <...> Баграш Оксинья шуиськом вал. <...> Солэн мужикез Василий вал. <...> Солэн пинальёсыз ой вал. <...> Со зетяла, давай, пе, Акашка лэсьтом. Вот сое мон тодйсько, кылэз. Акашка, пе, вал вылын, пе, ветлом. И вот, ветло вал вал вылын. [Ку сое лэсьто вал?] Паска нунал-а, Паска бере-а. <...> Кышноос [ветлйзы]. <...> Ну, одйг пиосмуртэз тодйсько. Сеп Горей ик шуо вал, со Сепьсь ик, наверное, вал. <...> Со вал вылын сылыса ветлэ вал. “Мон кавалерисын ужай” шуса. <...> Паска дыръя опять ветло вал со бонъёсын ик. <...> Стол накроют какой... по рюмке выпьют, пойдут к другому. <...> Вить корка-а, куать-а было. <...> Уг тодйськы кырзэмзэс, вöсьяськыса сиё вал».

(«Акашка я знаю. В Володарке же бон’ы (южные удмурты – прим. авт.) проводили. <...> [Ее] Баграш Аксиныя называли. <...> Ее мужем был Василий. <...> У нее детей не было. <...> Она затеяла: давайте, мол, [обряд] Акашка проведем. Вот это я знаю, [это] слово. Акашка, мол, верхом на лошадях, мол, будем кататься. И вот, ездили верхом на лошади. [Когда проводили?] То ли в день Пасхи, то ли после Пасхи. <...> Женщины [катались]. <...> Ну, про одного мужчину знаю. [Его] Сеп Гореем называли, он, наверное, из [деревни] Сеп (в Игринском районе Удмуртии – прим. авт.) и был [родом]. <...> Он, стоя на коне, катался. “Я кавалеристом работал” говоря <...>.

На Пасху опять же с этими бон’ами ходили. <...> Стол накроют какой... по рюмке выпьют, пойдут к другому. <...> То ли пять, то ли шесть домов было. <...> Не помню, что пели, с молитвой трапезничали») [НА УИИЯЛ, № 218, трек 46; Е. А. Перевозчикова, 1937 г.р., п. Рассвет Бирилюсского района КК].

«На Троицу ходили. Эти берёзки метра два, полтора, может быть. <...> В Камышовке. И это, платками красивыми, на берёзку. На Троицу с песнями по деревне ходили <...> И вот мы за берёзками на Троицу ходили. Платки красивые завязывали на берёзку. И ходили с песнями... Кто шанежки, кто чё там вынесет. <...> Ну, удмуртские [песни] чё-то не помню, пели или нет. Русские вот пели» [НА УИИЯЛ, № 218, трек 74; А. П. Малых, 1947 г.р., с. Суриково Бирилюсского района КК].

«Вашкала празникъёсты празновать каро вал чистозэ. <...> Ну, Толсуръёс, Крещення но, Йö вылэ сылон шуо вал сое, Тройчас но. Сыче выходной но сёто вал милям колхозын, празновать каро вал. <...> Толсурез но празновать карком вал. <...> Великтэм – уж соиз бадзым празник. Паска ведь со. <...> Котьма пöрало вал, мазы ке вань, ческыт сиён лэсьто вал. Коркась-корка но ветло. Вöсьясько вал. Милям бадзён дядя шуиськом вал. Дяделэн братэз вöсьяськысь вал. Сос молитва но тодо вал трос, сос молитва лыдзö вал. <...> Мыдор шоры учкыса вöсьясько. Молитва лыдзö, “Отче наш” лыдзö. <...> Удмурт кылын уг ик, лэся, молитва лыдзö вал, зүчсен “Отче наш”, “Царю небесной” лыдзö вал, “Верую” лыдзö вал. <...> Киров понса вöсьясько мыдор шоры. <...> Кырзан но кырзало вал».

(“Старинные праздники все праздновали раньше. <...> Ну, Толсур, Крещенье да, Йö вылэ сылон его называли, Троица да. Выходные давали нам в колхозе, чтобы праздновать. <...> И Толсур праздновали. <...> Великтэм – это уже большой/великий праздник. Пасха ведь это. <...> Всякое [блюдо] готовили, что имеется, вкусную еду готовили. Из дома в дом по гостям ходили тоже. Молились. У нас старший дядя был. Брат отца верующим был. Они и молитв много знали, они молились. <...> Обратившись в сторону иконостаса молились. Молитву читали. “Отче наш” читают. <...> По-удмуртски, видимо, не молились, по-русски “Отче наш”, “Царю небесный”, “Верую” читали. <...> Крест накладывая, молились, лицом к иконостасу. <...> Да и песни пели») [НА УИИЯЛ, № 218, трек 93; Г. Н. Леконцева, 1929 г.р., п. Кытат Большеулуйского района КК].

«[Что это такое – Кереметь?] <...> Ну, молились. Помню чуток я. Место было там возле ключа. Ключ бежал, родник под горой. Резали там какого-то скота. Вот молились там.

<...> Молебн у них был, [у] стариков. Ну, и молодежь тоже [приходила], выходной давали. <...> Все собирались туды. <...> В Уланово все русские, дак они тоже ходили, говорят. <...> Старики молились, а молодёжь-то нет. <...> Самый основной, хто руководил, трое или четверо было, или пятеро, не помню. Остальные так только ходили. Ну, сидели, кушали, наливали, варили. <...> Сейчас не проводят уже. <...> Проводили весной, когда посевной только кончится. И собирали людей. Потом колхозный праздник после посевного устраивали, на улице гуляли. <...>» [НА УИИЯЛ, № 218, трек 2; П. Н. Данилов, 1935 г.р., с. Суриково Бирилюсского района КК].

Из семейных праздников сохранились воспоминания о свадьбе *сюан*, о празднике в честь новорожденного *пинал ваён*, обряде гостевания *куно*, помочах в строительстве домов *веме*, новоселье *корка пырон*, похоронно-поминальных обрядах:

«*Онись Окыльлэсь свадьбазэ тодйсько. По-удмуртски каризы соос, бенъёс. <...> Вот так пыро корка, и друг за дружкойм гуськом ходят, и песни поют пока стол ещё не накрыли что ли.*

(«Свадьбу Онись Акулины помню. Они по-удмуртски провели, *бен*ы (северные удмурты – прим. авт.). <...> Вот так заходят в дом, и друг за другом гуськом ходят, и песни поют, пока стол ещё не накрыли что ли») [НА УИИЯЛ, № 218, трек 37; Е. А. Перевозчикова, 1937 г.р., п. Рассвет Бирилюсского района КК].

«У нас поминальный день суббота была. А они в воскресенье всё время ходили, на Троицу. [Русские?] Да. А удмурты, они всегда поминают в субботу» [НА УИИЯЛ, № 218, трек 84; З. Д. Эфа, 1955 г.р., с. Суриково Бирилюсского района КК].

«Помню, на могилке обычай был у нас. У нас же три брата они жили. И всегда старший брат командовал. Ну, что вот давайте выпьем, помянем. <...> Дядя Фёдор вот старший, он молитву какую-то читал. [На каком языке?] На удмуртском. <...> Моего отца старший брат. Их три брата было. <...> Это в Камышовке. <...> На кладбище молитву он читал, потом вот уже они поминали» [НА УИИЯЛ, № 218, трек 88; В. С. Наливайко, 1956 г.р., с. Суриково Бирилюсского района КК].

«[Нам сказали, что полати делали?] Раньше делали, да. Прямо яму выкопают, потом гроб опускают, а потом делают полати, досками закрывают <...>» [З. Д. Эфа, 1955 г.р.].

«И копейки бросают. И копейки туда сыпят <...>» [А. П. Малых, 1947 г.р.].

<...> «Полати делают не сверху, а снизу. У нас болото <...>. У нас там в Кытате это всё. В Кытате. Ну, настил... В Суриково даже. Настил этот... потому что вода всё время тут, болото. А потом сверху гроб» [Л. И. Ившина, 1949 г.р.] [НА УИИЯЛ, № 218, трек 88; с. Суриково Бирилюсского района КК].

Отдельные упоминания встречаются об обрядах вызывания дождя, посиделках, вечерках, молодежных играх, обычаях при отёле коровы, заговорно-заклинательных ритуалах народной медицины и т.д.:

«Копейки ложили... На стол, когда корова отелится. Вот неделя пройдёт – и приглашали соседей, родственников на блины. <...>» [НА УИИЯЛ, № 218, трек 82; В. С. Наливайко, 1956 г.р., с. Суриково Бирилюсского района КК].

Имеющиеся сведения показали наибольшую устойчивость похоронно-поминальных обрядов. Поминальные обряды *поминка/кисьтон* до сих пор продолжают бытовать среди красноярских удмуртов. Однако некоторые особенности удмуртских поминок вызвали непонимание и

насмешки со стороны русских. Как видно из нижеприведенного примера, обычай поминать за оградой кладбища умерших неестественной смертью или далеко за пределами своей деревни, русские восприняли как желание удмуртов продолжить «пирушку», что, вероятно, послужило причиной его исчезновения:

«Вот, я помню, мы детьми были, ходили на кладбище. А поначалу мать отцова умерла здесь. Она тоже вместе с ними приехала сюда и воспитывала нас и всё, короче. Помянут всех, а потом все удмурты выходили за территорию кладбища и собирались. То есть, кто повешенники, видимо, кто не своей смертью умер, поминали отдельно. За территорией кладбища. <...> У кого что в сумке осталось с кладбища, раскладывали, и вот сидели, также самое, разливали» [Н. В. Дмитриева, 1963 г.р.]

«Русские потом над нами смеялись. А почему смеялись? Да потому что, “значится, тут, – го[во]рят, – поминают, и ещё мало им, они ещё там, – го[во]рят, – садятся» [Ю. А. Лесных, 1951 г.р.] [НА УИИЯЛ, № 218, трек 143; пос. Орловка Дзержинского района КК].

Песенный фольклор

На основе записанных экспедиционных материалов предпринята попытка выделить основные обрядовые и необрядовые песенные жанры, зафиксированные в диаспорной традиции удмуртов Красноярского края во время экспедиции 2020 г. Следует отметить, что информанты большинство этих песен исполнили лишь фрагментарно, либо указали на их бытование в местной традиции.

В обозначении напевов красноярскими удмуртами (выходцами из северных районов) выделяются два термина – *голос* и *мадь/кырзан*. Первый – *голос* – характерен для дефиниции обрядовых песенных жанров в значении «напев, мелодия». Этот термин распространен на севере Удмуртии. Для подобных обрядовых песенных жанров характерно исполнение на припевные, асемантические, звукоподражательные слова: «*Милям мыйыос кырзан кыл уг но валало вал, озыы матив гинэ кырзало вал <...>, “ой-дой-дой” мар шуо*» («У нас старики словами-то и не пели, только мотив пели <...>, “ой-дой-дой” говорили») [НА УИИЯЛ, № 218, трек 94; Г. Н. Леконцева, 1929 г.р., пос. Кытат Большеулуйского района КК].

Термин *мадь/кырзан*, в отличие от предыдущего, обозначает песни с сюжетной линией и указывает на принадлежность к необрядовому пласту музыкального фольклора. Он обозначает песни традиционной лирики, поздние по происхождению, авторские и заимствованные песни.

В песенной традиции красноярских удмуртов отсутствуют образцы календарных напевов. При этом семейно-родовые напевы до сих пор помнят и исполняют люди пожилого возраста – это свадебные и гостевые напевы/песни. Свадебные напевы, зафиксированные в Бирилюсском (пос. Рассвет) и Большеулуйском (пос. Кытат) районах, представляют собой варианты типового напева севернoudмуртской (игринской) традиции. Как отмечает удмуртский этномузыковед И. М. Нуриева, именно свадебный напев в музыкальном фольклоре северных удмуртов, «в отличие от импровизируемых, постоянно изменяющихся обрядовых напевов-*крзей*, обладает статусом устойчивого музыкального маркера – напева-формулы» [Нуриева 2018, 99]. Этим обстоятельством, видимо, можно объяснить хорошую сохранность данного напева у красноярских удмуртов. Характерной чертой свадебного напева является его музыкально-ритмическая формула из трех восьмых и двух четвертей. В тексте встречаются традиционные мотивы и образы: «*сюан вань, кунянь вань...*» («свадьба есть, теленок есть...»), «*чӧжэ но куать пузас...*» («утка да моя шесть яиц [снесла]...»), где образы теленка и утки олицетворяют невесту:

Сюан голос Свадебный напев

♩ = 138

кыр - за - ло - ме - лэ

Ай - да-лэ, ай - да - лэ, ай - да кыр - за - ло - ме но

Ой - дой шу - вы - са а - лэ ме на

Ой - дой шу - са, ой - дой йэ но

Ой - дой шу - э но, но ой - до - лэ.

Ой - до - лэ но, ой - до - лэ, ой - до - лэ но.

Сю - ан вань, ку - нян вань, чѳ - же но куать пу - заз.

ай да дай.

Ой - до, ой - до - лэ но ой - до вал.

Песни гостевого этикета представлены несколькими образцами: это гостевые песни, традиционные для севернoudмуртской традиции (“*Кызъы меда лыктйды...*” – “Хорошо ли вы доехали...”, “*Кытйсен тй лыктйды...*” – “Откуда вы прибыли...”), и застольные, в качестве которых выступают и лирические песни (“*Юом, юом та винаез...*” – “Выпьем, выпьем это вино...”, “*Тѳды кычпу вож куаро но...*” – “Белая береза в зеленой листве да...”, “*Лымы тѳды...*” – “Снег белый...”, “*Кирпичен-кыкен, одйген-кыкен...*” – “По кирпичу – по два, по одному – по два...”, “*Куке но мон вал, дыр...*” – “Когда-то и я был(а), наверно...”, “*Из но, му но пилиське но...*” – “И камень, и земля трескаются...”). По музыкальным особенностям застольные песни относятся к позднему пласту севернoudмуртской традиции. Кроме того, можно выделить так называемый общедумуртский репертуар песен, распространенных на всей территории Удмуртии: традиционные лирические (“*Васькисько, васькисько...*” – “Иду я, спускаюсь...”, “*Учы но чирдэ, атас но чортэ...*” – “Соловей да поет, петух да кукарекает...”, “*Ульчае шудыны мон потй но...*” – “Вышла я на улицу играть да...”) и авторские песни (“*Ой, марлы, ой, марлы...*” – “Ой, зачем же, зачем...” (сл. Д. Майорова, мелодия русской песни «Ах, зачем эта ночь...»), “*Ой, тй чебер нльѳс...*” – “Ой, вы красивые девушки...” (сл. Н. Васильева, муз. П. Кубашева), “*Чыдонтэм тулыс уй...*” – “Ненасладимая весенняя ночь...” (сл. И. Гаврилова, муз. И. Галкина)). Большой популярностью пользуются плясовые песни и частушки.

Особенностью песенной традиции сибирской группы удмуртов является заимствованный репертуар соседних этносов – русских, украинцев, белорусов: “Уродилася сильная, буйная ягода в бору...”, “Сяду я за стол да подумаю...”. Первую песню В. И. Антонова (1932 г. р.) узнала от мамы, которая, в свою очередь, услышала ее от белорусов, проживающих в соседней деревне. На вечерках также звучали русские песни (“Ой, при лужке...”, “Расцветали яблони и груши...” и др).

Таким образом, современные экспедиционные записи показывают угасание традиции, неизбежное в отдаленности от коренной традиции и в окружении других этносов. Наблюдается потеря языка, обрядовой культуры (за исключением отдельных моментов – например,

сохраняются элементы похоронно-поминальной обрядности), песенной традиции. Основными хранителями являются женщины пожилого возраста. Но, несмотря на эти процессы, красноярские переселенцы до сих пор осознают себя удмуртами и с большой радостью встречают своих земляков из «России».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аграрная реформа Столыпина 1907–1916 гг. – кратко о событиях. URL: <https://istoriarusi.ru/imper/agrarnaja-reforma-stolypina-kratko.html>. (Дата обращения 01.03.2020).

Атаманов М. Г. Образцы речи сибирских удмуртов // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 131–153.

Атаманов М. Г. Сибирская группа удмуртов // Вордскем кыл. 2004. № 10. С. 76–95.

Атаманов М. Г. Сибирская группа удмуртов // Феномен Удмуртии. Т. 8. Удмуртская диаспора. М.-Ижевск: Удмуртия, 2008. С. 186–194.

Атаманов М. Г. От Вятки и Камы до Оби и Енисея – путь неблизкий: из экспедиционных дневников ученого. Ижевск: Шелест, 2020. 800 с.

Владыкин В. Е. Сибирская группа удмуртов // Этническая история народов Урала и Поволжья: (Препр. докл. и сообщ.). Уфа, 1976. С. 28–30.

Журавлева А. Н., Кузнецова Р. А. Сто лет расставания. Феномен Удмуртии. Т. 8. Удмуртская диаспора. М.-Ижевск: Удмуртия, 2008. С. 201–211.

Корепанова Г. А. Развитие удмуртской пореформенной деревни в конце XIX – начале XX вв. и переселенческий вопрос (на примере сибирских удмуртов): дис. ... канд. истор. наук. Ижевск, 1976. 76 с.

Краткая история муниципального образования Орловский сельсовет. URL: <http://adm-orlovka.ru/about/shistory.html>. (Дата обращения 17.12.2020).

Лебедева С. Х. По следам экспедиции к сибирским удмуртам // Феномен Удмуртии. Т. 8. Удмуртская диаспора. М.-Ижевск: Удмуртия, 2008. С. 194–200.

Нуриева И. М. Музыкальный язык удмуртского ритуала: Время. Пространство. Текст. Ижевск: Изд-во «АлкиД», 2018. 157 с.

Пчеловодова И. В., Софронова Е. А., Корнилов Д. Л. Музыкальный фольклор сибирских удмуртов в звуковых коллекциях УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Вып. 4. С. 615–622.

Тучкова Н. А. Тигинские удмурты // Земля Чаинская: сборник научно-популярных очерков к 100-летию с. Подгорного. Томск: Изд-во Томского университета, 2001. С. 170–189.

Этноатлас: народы и народности, населяющие Красноярский край // URL: <http://www.krskstate.ru/about/narod/etnoatlas/0/eid/84>. (Дата обращения 18.12.2020).

Anisimov N., Pchelovodova I., Sofronova E. Migrant and Autochthonous Traditions within Udmurt Folksong (on the Example of the Siberian Udmurt) // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2020. Vol. 14. No. 1. Pp. 85–110.

Поступила в редакцию 17.12.2020

Пчеловодова Ирина Вячеславовна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,

Удмуртский институт истории, языка и литературы

Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

e-mail: orimush@mail.ru

Анисимов Николай Владимирович,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,

Институт филологии СО РАН

630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8;

младший научный сотрудник,

Удмуртский институт истории, языка и литературы

Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

e-mail: kyldysin@yandex.ru

Фото 1. Вид на въезд в д. Чемурай.
Д. Чемурай, Дзержинский район, 2020. Фото Н.В. Анисимова

Фото 2. Улица Глазовская. Пос. Орловка, Дзержинский район, 2020. Фото Н. В. Анисимова

I. V. Pchelovodova, N. V. Anisimov

FROM “RUSSIA” TO SIBERIA ...: MODERN EXPEDITIONARY NOTES
ABOUT THE UDMURTS OF THE KRASNOYARSK KRAI

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-45-59

The Udmurts moved to Siberia for two reasons: voluntarily during the Stolypin agrarian reform (1910–1912), and forcedly during the period of dekulakization (30s of the XX century). The settlers got a second homeland and compactly located in the Tomsk oblast and the Krasnoyarsk Krai. Three expeditions have been made to the Krasnoyarsk Udmurts so far: in 1974, 1991 and 2020. This article enters new scientific information about the modern state of the folklore tradition of the Udmurt settlers. The material was fixed on audio, photo and video equipment in three districts of the Krasnoyarsk Krai: Birilyussky, Bolsheuluyky and Dzerzhinsky.

The most of the memories are related to stories about the migration from Udmurtia to the Krasnoyarsk Krai. Special attention was paid to the celebrations and rituals held by local Udmurts. Some song genres were recorded: ritual (wedding, guest, feast) and non-ritual (traditional lyrical, author's and borrowed from the repertoire of neighboring ethnic groups-Russians, Ukrainians, Belarusians). The main part of the songs belongs to the north-Udmurt tradition, as most of the performers are representatives of the Igrinsky district of Udmurtia.

Keywords: the Udmurts, Siberian group, migration tradition, folklore, song genres, rituals, holidays, narratives, migration, dekulakization.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 1, pp. 45–59. In Russian.

REFERENCES

Agrarnaya reforma Stolypina 1907–1916 gg. – kratko o sobytyakh [Stolypin's agrarian reform 1907–1916 – briefly about the events]. In Russian. URL: <https://istoriarusi.ru/imper/agrarnaja-reforma-stolypina-kratko.html> (accessed 1 March 2020).

Atamanov M. G. Obraztsy rechi sibirskikh udmurtov [Speech samples of Siberian Udmurts]. *Obraztsy rechi udmurtskogo yazyka* [Speech samples of Udmurt language]. Izhevsk, 1982. Pp. 131–153. In Russian.

Atamanov M. G. Sibirskaya gruppa udmurtov [Siberian group of Udmurts]. *Vordskem kyl* [Native language]. 2004. 10. Pp. 76–95. In Russian.

Atamanov M. G. Sibirskaya gruppa udmurtov [Siberian group of Udmurts]. *Fenomen Udmurtii. T. 8. Udmurtskaya diaspora* [The phenomenon of Udmurtia. V. 8. Udmurt Diaspora]. M.-Izhevsk: Udmurtia, 2008. Pp. 186–194. In Russian.

Atamanov M. G. *Ot Vyatki i Kamy do Obi i Yeniseya – put' neblizkii: iz ekspeditsionnykh dnevnikov uchenogo* [From Vyatka and Kama to Ob and Yenisei – a long way: from the scientist's expedition diaries]. Izhevsk: Shelest, 2020. 800 p. In Russian and in Udmurt.

Vladykin V. E. Sibirskaya gruppa udmurtov [Siberian group of Udmurts]. *Etnicheskaya istoriya narodov Urala i Povolzh'ya: (Prepr. dokl. i soobshch.)* [Ethnic history of the peoples of the Urals and the Volga region]. Ufa, 1976. Pp. 28–30. In Russian.

Zhuravleva A. N., Kuznetsova R. A. Sto let rasstavaniya [One hundred years of parting]. *Fenomen Udmurtii. T. 8. Udmurtskaya diaspora* [The phenomenon of Udmurtia. V. 8. Udmurt Diaspora]. M.-Izhevsk: Udmurtia, 2008. Pp. 201–211. In Russian.

Korepanova G. A. *Razvitiye udmurtskoi poreformennoi derevni v kontse XIX – nachale XX vv. i peregelencheskii vopros (na primere sibirskikh udmurtov): Dis. kand. ist. nauk* [The development of the Udmurt postreform village in the late XIX – early XX centuries. and the resettlement issue (on the example of Siberian Udmurts)]. Izhevsk, 1976. 76 p. In Russian.

Kratkaya istoriya munitsipal'nogo obrazovaniya Orlovskii sel'sovet [A Brief History of the Municipal Formation Oryol Village Council]. In Russian. URL: <http://adm-orlovka.ru/about/shistory.html> (accessed 17 December 2020).

Lebedeva S. H. Po sledam ekspeditsii k sibirskim udmurtam [In the footsteps of the expedition to the Siberian Udmurts]. *Fenomen Udmurtii. T. 8. Udmurtskaya diaspora* [The phenomenon of Udmurtia. V. 8. Udmurt Diaspora]. M.-Izhevsk: Udmurtia, 2008. Pp. 194–200. In Russian.

Nurieva I. M. *Muzykal'nyi yazyk udmurtskogo rituala: Vremya. Prostranstvo. Tekst* [Musical language of the Udmurt ritual: Time. Space. Text]. Izhevsk: AlkiD Publishing, 2018. 157 p. In Russian.

Pchelovodova I. V., Sofronova E. A., Kornilov D. L. *Muzykal'nyi fol'klor sibirskikh udmurtov v zvukovykh kollektsiyakh Udmurtskogo instituta istorii, yazyka i literatury UdmFITS UrO RAN* [Musical folklore of the Siberian Udmurts in the sound collections of the Udmurt Institute of History, Language and Literature UdmFRC UB RAS]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2015. No. 4. Pp. 59–67. In Russian.

Tuchkova N. A. *Tiginskiye udmurty* [Tiginsky Udmurts]. *Zemlya Chainskaya: sbornik nauchno-populyarnykh ocherkov k 100-letiyu s. Podgornogo* [Chainskaya land: collection of popular science essays on the 100th anniversary of p. Podgorny]. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2001. Pp. 170–189. In Russian.

Etnoatlas: *narody i narodnosti, naselyayushchiye Krasnoyarskii Krai* [Ethnoatlas: peoples and nationalities inhabiting the Krasnoyarsk Krai]. In Russian. URL: <http://www.krskstate.ru/about/narod/etnoatlas/0/eid/84> (accessed 18 December 2020).

Anisimov N., Pchelovodova I., Sofronova E. *Migrant and Autochthonous Traditions within Udmurt Folksong (on the Example of the Siberian Udmurt)*. *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 2020. Vol. 14. No. 1. Pp. 85–110. In English.

Received 17.12.2020

Pchelovodova Irina Vyacheslavovna,

Candidate of Philological sciences, Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation
e-mail: orimush@mail.ru

Anisimov Nikolai Vladimirovich,

PhD/ Candidate of Philological sciences, Research Associate,
Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation;
Junior Researcher,
Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS
4, Lomonosova str., Izhevsk, 426004, Russian Federation
e-mail: kyldysin@yandex.ru